

СОВРЕМЕННОЕ ОТХОДНИЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

ШАБАНОВА Марина Андриановна — кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО АН России, г. Новосибирск. В «Социологических исследованиях» опубликовала статьи) «Сезонная миграция строительных рабочих» (1989, N 6.)

Ежегодно жители Закавказья, Северного Кавказа, Западной Украины и Молдовы — главным образом сел и небольших городов — группами устремляются на сезонные заработки в европейские и восточные районы России. Без содействия со стороны государственных органов находят они объекты сезонного труда на 6,5 месяцев в среднем. Средняя продолжительность рабочего дня — 14,5 ч. причем только 1/3 еженедельно имеет один выходной день, большинство же (•5%) работает без выходных или отдыхает от одного (7%) до 2—3 раз (4%) в месяц¹, Среднее число отходов на заработки устойчиво равняется пяти, 19% работают 6—10 сезонов, 11% — 11—20, и 2% — от 21 до 34 сезонов.

Представлять этот процесс как закономерный итог взаимоотношений между трудоизбыточными и трудонедостаточными районами верно лишь отчасти. По данным наших обследований, большая часть (84%) сезонных строителей, прибывших в сибирское село в разное время имела какую-нибудь работу в месте постоянного жительства (или в близлежащем к нему поселении). Говорить о том, что заработная плата была недостаточна для удовлетворения потребностей работников в принципе справедливо: 96,6% опрошенных назвали возможность заработать основным мотивом приезда на сезонные строительные работы. Однако признать такое объяснение достаточным — значит остаться на поверхности изучаемого процесса. Такая ситуация сложилась почти повсеместно и, скорее объясняла, почему тем нескольким миллионам уходящих на заработки работникам приклеивался ярлык «рвачей», «стяжателей», «шабашников», готовых в погоне за «длинным» рублем ехать за тысячи километров, на полгода «бросать» семью и т.д., чем те движущие силы, которые подталкивали

¹ Здесь и далее приводятся данные интервьюирования 290 сезонных строителей, по собственной Инициативе прибывших в 1990 г. в один из типичных по уровню социально-экономического развития и обеспеченности кадрами сельских районов Западной Сибири.

их к неподдерживаемому официальной идеологией трудовому миграционному поведению. Более глубокому пониманию природы этого сложного и противоречивого феномена, равно как и формированию более терпимого и внимательного отношения к нему со стороны государственных и общественных структур, на наш взгляд, способствовало бы его рассмотрение с точки зрения взаимодействия отходника с государством и той социально-территориальной общностью, к которой он принадлежит.

Государство, поддерживая одни и подавляя другие потребности, в значительной степени определяя возможности и способы их удовлетворения, оказывает существенное воздействие на социально-экономическое положение, социальную защищенность и самозащитное поведение индивидов (трудовое, миграционное и проч.). Однако даже при сильной централизованной власти социальная общность также способна сильно влиять как на характер потребностей индивида, так и на способы их удовлетворения: через обычаи, традиции, уважение к тем, кто достигает тех или иных социальных статусов, потребительских стандартов, кто следует определенным образцам трудового, миграционного, семейного, потребительского и другого рода поведения, и порицание (осуждение) тех, кто не достигает их (не следует им). Без учета социально-культурных особенностей образа жизни, ценностных ориентаций представителей разных народов, участвующих в этом процессе, трудно удержаться от его оценки с позиции чуждой отходникам системы ценностей, иных норм образа жизни, нельзя понять их потребности, роль отходов на заработки в изменении социально-экономического положения и социальном продвижении индивидов и членов их семей.

Отходник и государство: особенности взаимоотношений

Долгое время государство как бы «не замечало» массовых поездок на заработки, в которые ежегодно — по собственной инициативе и, как уже говорилось, без какого-либо содействия со стороны государственных органов — включались миллионы работников. Это, конечно, не мешало местным властям время от времени налагать вето на использование труда приезжих бригад — жителей данной или других областей, а правоохранительным органам — возбуждать уголовные дела по отношению к особо инициативным и предприимчивым. Но в целом государственные органы даже во времена, называемые ныне застойными, старались не обращать внимания (насколько это было возможно) на трудовую и миграционную активность многочисленной группы желающих и способных больше зарабатывать. Столь сдержанное по тем временам отношение государства к явно несовмещавшемуся с официальной идеологией и часто именуемому «шабашничеством» феномену, на наш взгляд, объясняется совокупностью нескольких взаимосвязанных обстоятельств.

Для центральной власти отходничество являлось хотя и нежелательным, но по существу самым предпочтительным из реально возможных способов ослабления ряда социально-экономических проблем и диспропорций, в значительной степени порожденных ею же в предшествующие десятилетия.

Так, следствием перераспределительной политики центрального руководства (включая политику в области цен, оплаты труда) стали глубокие диспропорции в социально-экономическом развитии города и села, которые вопреки паспортному режиму и институту прописки стимулировали в ряде районов страны чрезмерные сельско-городские миграции. Под последними имеются в виду миграции, препятствующие выполнению производственной, социально-пространственной и других функций села по отношению к обществу — разумеется, при тех экономических отношениях, которые поддерживались (допускались) централизованной властью государства. Способствовать более полной реализации функций села

были призваны провозглашенная в 60-е годы политика неуклонного роста капиталовложений в сельское хозяйство, и курс на развитие хозяйственного способа строительства (1970 г.). Получив капитальные вложения, огромное число и без того трудонедостаточных сельских предприятий и организаций увеличило спрос на работников, которые осваивали бы выделяемые средства. Государство при помощи имеющихся у него рычагов удовлетворить эту потребность не могло: даже при сильной централизованной власти индивиды обладают определенной свободой в выборе места жительства, работы и проч. Организованные государством сельскохозяйственные переселения оказались малоэффективными. Способствовать (или хотя бы не мешать) развитию новых экономических отношений административно-командная система не собиралась. Стабилизация сельского населения в трудонедостаточном селе требовала его социального переустройства, а последнее, в свою очередь, стабилизации сельского населения, особенно трудоспособного. Круг замкнулся...

Выходу из него способствовал приток большего числа работников с хорошей профессиональной (в частности, строительной) подготовкой, которые интенсивно трудились на благо социального переустройства села, причем довольствовались минимальным (!) социально-бытовым комфортом. Этими работниками и стали выходы из относительно трудоизбыточных южных и юго-западных районов, а также близлежащих городов, по собственной инициативе прибывавшие в села трудонедостаточных районов страны — но не «насовсем», а на сезон. За 5—7 месяцев в разных областях отходники выполняли 40—60% годовой строительной программы, а на отдельных сельскохозяйственных предприятиях и до 100%. Иными словами, отходники были нужны государству. И государство смирилось и с «непомерно высокими», как казалось многим, заработками, и с рабочим днем, продолжительность которого в 1,8 раза превышала нормативную, и с работой без выходных, и с прочими непопулярными в других случаях инициативами тех нескольких миллионов трудоактивного населения, которые, ежегодно включаясь в процесс, своим трудом исправляли (часто не ведая того) просчеты централизованной власти государства, когда она была уже не в состоянии сделать это.

Однако сезонные межрегиональные трудовые миграции не только способствовали реализации курса центрального руководства на подъем сельскохозяйственного производства и улучшение условий жизнедеятельности сельского населения, но и выступали важным фактором уменьшения социальной напряженности в относительно трудоизбыточных районах страны. Последнее для государства имело не меньшее значение, чем первое, ибо источниками социальной напряженности являлись и вынужденная безработица в больших масштабах, о которой не принято было говорить, но которая сохранялась, несмотря на неоднократно провозглашавшийся курс на создание дополнительных рабочих мест в этих районах, и государственная политика низкой заработной платы, не позволявшая значительным группам занятого населения достигать желаемых потребительских и иных стандартов, часто поддерживавшихся обычаями и традициями их социальных общностей. И все это в условиях, когда безвозвратная миграция местного населения этих районов в другие регионы страны слабо подавалась государственному регулированию!

Вот некоторые данные социологического обследования. Абсолютное большинство (78%) сезонных строителей, прибывших из сел и небольших городов южных районов, несмотря на трудоизбыточность мест постоянного жительства, ни при каких условиях не согласились на окончательный переезд в сибирское село, где легко могли бы найти подходящую работу. При этом 63% опрошенных сослались на привычку к родным местам, на желание жить с родственниками, в родном крае («родина есть родина», «я не смогу: родственники, все там», «где родился, где вырос, там и привык»), 32% указали на несогласие семьи на переезд, включая сохранившийся в ряде мест обычай жить в одном поселении

с родителями («у нас обычай — где родители живут, там и мы», «мы не можем от родителей уезжать», «родители не пустят»). Примечательно, что в ряде южных районов страны воля родителей неукоснительно выполняется не только молодежью, но и представителями старших возрастных групп, которые давно отделились от родителей, создав собственные (часто многодетные) семьи и в настоящее время сами имеют взрослых детей. Большую группу (37%) респондентов не устраивают климатические условия, 12% — культурно-бытовые условия в Сибири («дикие места», «дыра, тоска», «здесь, как на дне», вплоть до возмущенного: «Переехать в это захолустье?!»), еще 8% не хотят жить в сельской местности. Препятствиями к переезду являются и обучение детей в национальных школах, боязнь уменьшения заработков в связи с прекращением сезонных работ, намерение вернуться работать по своей основной профессии и др. Иными словами, работники, вынужденные уезжать на сезонные заработки в другие регионы, в то же время высоко стабильны относительно постоянного, часто трудоизбыточного местожительства, и государство часто не в силах воздействовать на их миграционную активность.

Для административно-командной системы сезонные самодеятельные поездки больших групп населения явились не только своего рода «спасательным кругом», но и самым дешевым способом смягчения сложившихся диспропорций и противоречий. Никаких дополнительных государственных вложений, никаких обязательств государства перед включившимися по собственной инициативе в процесс работниками — ни в настоящем, ни в будущем. Приезжие бригады сами оплачивали транспортные расходы к месту сезонных работ, сами находили объекты, заключали договоры и, несмотря на продолжительный и высокоинтенсивный труд, были лишены пособий по временной нетрудоспособности, права на оплачиваемый отпуск и других социальных льгот и преимуществ. В большинстве случаев — никаких записей в трудовых книжках: желающие брали справки о том, где и сколько работали, чтобы по возвращении домой не быть причисленными к тунеядцам и на будущее — на всякий случай, «может, когда пригодится».

По существу, это движение на протяжении 15—20 «доперестроечных» лет сигнализировало административно-командной системе о наступлении новых экономических отношений, когда оплачивается не участие в трудовой деятельности, а признанный потребителем результат труда, наглядно демонстрировало преимущества более свободных экономических субъектов и личности. Но и развитие не поддерживаемых официальной идеологией экономических отношений между отходниками и работодателями, по-видимому, не причиняло особого беспокойства центральной власти: движение неорганизованное; бригады небольшие (в среднем 5—7 человек), часто сгруппированные по родственному признаку, работают на мелких разбросанных объектах; отсутствуют органы, объединения, ассоциации, отстаивающие права и интересы этой группы работников. В этих условиях даже единственное их желание — «дали бы возможность работать и зарабатывать» — административно-командной системе постоянно удавалось держать под угрозой неудовлетворения. Не случайно поэтому в 1984 г., когда мы проводили первое интервьюирование приезжих строительных бригад, первоначально они выражали крайне настороженное отношение, предвеля вступительную беседу вопросом «Нас что, запретить хотят?».

Постановление Совета Министров СССР «Об упорядочении организации и оплаты труда временных строительных бригад» (15 мая 1986 г.) на практике не внесло существенных изменений во взаимоотношения между двумя сторонами, участвующими в процессе. За малым исключением, руководители предприятий, использующих сезонный труд, вообще не слышали о нем, а если слышали — не были заинтересованы (ни экономически, ни организационно) в его выполнении.

Таким образом, характер взаимоотношений государства и отходников, определялся как тем, что центральная власть, не допуская изменения экономи-

ческих отношений, без отходников была не способна реализовать провозглашенный ею социально-экономический курс, так и тем, что движение, не имея представительных органов, не могло отстаивать интересы своих участников, а каждый из них в отдельности не рассчитывал ни на защиту, ни на поддержку со стороны государственных структур.

Отходник и социально-территориальная общность

Важные факторы, воздействующие на социальный статус, трудовое и миграционное поведение отходников из южных и юго-западных районов, относятся к сфере социально-территориальных общностей (преимущественно сельских). Среди основных ценностей социальной общности — ценность относительно высокого материального благополучия («стыдно быть бедным», престижно построить хороший собственный дом, содержать в достатке семью, иметь прочную материальную основу на будущее); ценность «быть не хуже соседа» («надо от других не отставать — дом построить», «у нас каждый хочет отличиться от другого», «стыдно жить хуже других»); соблюдение (почитание) национальных традиций: дорогих свадебных ритуалов, миграционного поведения (калым, дорогие большие свадьбы, обычай не уезжать от родителей), в ряде районов — традиции многодетности и проч.

О другой группе факторов почти не пишут, но она оказывает важное воздействие на стоимость жизни, а вместе с тем и на социальный статус, трудовое и миграционное поведение отходников. Речь идет о получившей широкое распространение в южных районах практике переплаты в торговле, сфере бытового обслуживания, пассажирском транспорте, о необходимости платы за медицинские услуги, получение послешкольного образования, в ряде случаев — за устройство на работу и т.п. Лица, занявшие эти рабочие места, получают дополнительные («левые») доходы, позволяющие следовать моделям потребительского и иного поведения, господствующим в данных социально-территориальных общностях. Для тех же, кто не имеет подобных доходов, — это прямой вычет часто из и без того невысокой заработной платы. По данным нашего обследования, абсолютное большинство отходников в месте постоянного жительства принадлежит к последней группе: 35% от общего числа занятых — строительные рабочие, 19% — трудятся на транспорте (преимущественно производственно), 15% — в промышленности.

С учетом сказанного роль сезонной миграции в жизни ее участников исключительно важна и многообразна. Не претендуя на полноту, назовем основные (часто взаимосвязанные) ее функции по отношению к разным группам отходников.

1. Отходничество позволяет лицам, длительное время не имеющим работы в месте постоянного жительства, реализовать свое право на труд в других регионах (поселениях), что представляется важным как в материальном, так и в психологическом отношении (реализация способностей, обретение самостоятельности, самоутверждение и др.). По статистическим данным, удельный вес незанятых в общественном производстве селян составляет в Азербайджане 37%, в Армении — 35, Грузии — 25% [1].

По нашим данным, примерно 3/5 отходников, прибывших из южных и юго-западных районов, указали, что получить желаемую работу в месте постоянного жительства трудно: «негде работать, живем в горах» (Чечено-Ингушетия), «густонаселенные районы, негде работать», «50% в нашем селе без работы» (Дагестан); «очень большое перенаселение, трудно с работой, существует бюро по трудоустройству, сидишь и ждешь» (Молдова) и т.п. Уже долгое время отходничество выступает средством самозащиты больших групп людей от безработицы при отсутствии защиты со стороны государства.

2. Сезонные заработки увеличивают шансы сезонных строителей получить желаемую работу по возвращении домой, хотя в промежутке между сезонными поездками (и по причине участия в них) положение отходников на местных рынках рабочей силы часто ухудшается. Одни респонденты прямо указали, что зарабатывают деньги для устройства на работу по желаемой профессии в месте постоянного жительства, некоторые из них (3,5%) собираются даже открыть собственное дело. Для этой части отходничество создает своеобразный старт (канал) профессиональной мобильности, более полной реализации способностей и последующего социального продвижения. Другие, создав за время участия в сезонных миграциях необходимые накопления, получают возможность (теперь уже без ущерба для социального статуса) вернуться к работе по прежней, привлекающей их специальности, которую они вынуждены были оставить из-за низкой заработной платы («работа нравится, но зарплата маленькая, не могу свести концы с концами»). По данным опроса, перед первой поездкой на сезонные работы среднемесячный заработок у 24% респондентов не превышал 100 руб., 64% — 150 руб., 77% — 200 руб., 90% — 250 руб.

3. Независимо от перспектив получения работы по возвращении домой, сезонные миграции позволяют своим участникам повысить социальный статус, улучшить социально-экономическое положение своей семьи. Так, каждый второй респондент зарабатывает деньги на строительство собственного дома (дома для своих детей) в месте постоянного жительства, причем половина из них приехала на сезонные работы с этой целью уже не в первый раз. «Надо от других не отставать — дом построить», «у нас каждый сам себе дом строит, совхоз не помогает», «строительство дома — это главное» — так характеризует цель своего приезда на сезонные работы самая многочисленная группа опрошенных. Причем часть из них, построив собственный дом (или купив квартиру), сразу же отказывается (собирается отказаться) от дальнейших поездок на заработки, отдавая предпочтение любой (в том числе и малооплачиваемой) работе в месте постоянного жительства. Почти 2/5 сезонных строителей намерены создать денежные резервы на будущее («просто чтобы были деньги, чтобы была основа»). Особенно это важно для тех, кто, несмотря на многократное участие в сезонных трудовых миграциях и продолжительный высокоинтенсивный труд, так и не имеет трудовой книжки, ибо никогда не работал (не имел возможности трудоустроиться) в месте постоянного жительства, а также для тех, кто работал там непродолжительное время. Достаточно большая (23%) группа опрошенных вынуждена участвовать в сезонных поездках даже для того, чтобы иметь деньги на текущие расходы по содержанию своей семьи (питание, одежда, обувь). Примерно столько же респондентов зарабатывают деньги на приобретение легковой машины, 15% — на мебельные гарнитуры и другие предметы длительного пользования, 16% — на модную одежду («Надо прилично одеваться: ведь люди смотрят!»). Еще 15% строителей приехали, чтобы заработать деньги на собственную свадьбу (по словам молодых строителей из Дагестана, «у нас если мужчина 10 тысяч не заработал, то не считается хорошим Мужчиной») и др.

Я намеренно привожу здесь высказывания самих приезжих строителей о статьях расходов заработанных на сезонных работах денег, ибо здесь очень точно отражаются ценностные ориентации этой группы работников, адекватные ценностям той социальной общности, к которой они себя относят. Способствуя достижению господствующих моделей потребительского поведения, сезонные миграции тем самым помогают отходникам повысить социальный статус. Если бы не поездки на сезонные заработки, многие работники (и члены их семей) пополнили бы ряды малообеспеченных (и попросту бедных) и занимали бы самые низшие ступени на социальной лестнице.

Так, 9% отходников — жителей южных районов указали, что в своем селе вообще никогда не работали, т.к. не могли найти работу. По состоянию на 1990 г. у тех, кто работал дома, среднемесячный денежный доход на одного

члена семьи без поездок на сезонные работы равнялся бы 73 руб. При этом у 37% отходников он не превышал бы 50 руб., 67% — 75 руб., 79% — 100 руб., у 92% — 150 руб.

4. В ряде случаев сезонная трудовая миграция расширяет доступ к высшему и среднему специальному образованию самим сезонным строителям и их детям. Это еще один канал воздействия изучаемого процесса на изменение социального статуса, мироощущения, мировоззрения, образа жизни больших групп людей. Как показало обследование, некоторые строители — выходцы из южных республик — участвуют в сезонных миграциях в сибирские села прежде всего для того, чтобы получить направления в высшие учебные заведения Сибири. Другие (9%) зарабатывают деньги для оказания помощи детям в поступлении в вузы в своих республиках или для продолжения своего собственного образования там.

5. Создание нормальных стартовых условий для вступления в самостоятельную жизнь и последующего социального продвижения детей — одна из важных функций отходничества. Речь идет не только о средствах на получение образования, работы (9%) и текущих расходах по воспитанию детей (15%), но и о существенных денежных накоплениях, которые необходимы для соблюдения национальных свадебных традиций. На оказание помощи детям в связи с их вступлением в брак зарабатывают деньги 13% сезонных строителей, прибывших из южных районов страны, главным образом из Дагестана. Появление этой статьи расходов в семейном бюджете — одна из главных причин первичного или повторного отхода на заработки представителей средних и старших возрастных групп трудоспособного населения. «У нас обычай — отец обязательно должен сыну дом ставить, дочери — приданое (мебель, посуду), а для этого деньги нужны», «двум детям свадьбу сделал, теперь снова зарабатываю», «калым — 10 тысяч», «самая скромная свадьба у нас — 6 тысяч рублей» — так характеризуют цели приезда на сезонные работы многие выходцы из дагестанских сёл, где сильны не только национальные свадебные традиции, но и традиции многодетности, а следовательно, постоянно воспроизводится потребность в многократном отходе глав семей на заработки.

6. Отход на заработки позволяет большим группам отстаивать право на свободный выбор места жительства. Речь идет не столько о создании условий для переезда в желаемое поселение (хотя некоторые работники зарабатывают деньги именно с этой целью — на прописку, приобретение земельного участка по переезде и др.), сколько о сохранении возможности и далее проживать в нынешнем. Отвечая на вопрос «Если бы Вам представилась возможность выбора места жительства, то что бы Вы предпочли», — абсолютное большинство (74%) сезонных строителей назвали поселение, в котором проживают в настоящее время. Благодаря временным отъездам на работу отходники могут не покидать «насовсем» свои поселения, которые считают наиболее предпочтительными для постоянного проживания, но в которых не могут реализовать в той мере, в какой хотели бы, свои профессиональные способности, а в ряде случаев — право на труд, и следовательно, обеспечить приемлемый уровень жизни себе и своей семье.

7 В заключение хотелось бы назвать еще одну функцию сезонной трудовой миграции, которая, пожалуй, с особой остротой свидетельствует о незащищенности личности государственными и общественными структурами. Речь идет об участии в процессе лиц, освободившихся из мест лишения свободы (МЛС), и прежде всего тех, кто, отбыв срок наказания, остался без жилья и работы, равно как и тех из них, кто после безуспешных поисков пристанища пополнил ряды бродяг. Это — функция поддержания физического существования одних групп освободившихся из МЛС и восстановления утраченных связей с обществом, возвращения в нормальную жизнь других.

По данным обследования, доля ранее судимых в общем числе опрошенных

сезонных строителей составила 6,5%. Освободившись, многие из них не смогли получить прописку (следовательно, устроиться на работу) по прежнему месту жительства — в основном в крупных городах. Семейные связи у многих также оказались утраченными: на момент опроса 2/5 респондентов этой группы были разведены, еще 1/4 ранее не имели собственной семьи. Не случайно поэтому они нашли пристанище в подвалах, на чердаках, вокзалах, трассах теплосетей и т.д., где их отыскивали и пригласили на работу в сезонные бригады. Пользуясь невниманием к лицам без определенного места жительства со стороны государства и общества, бригадиры берут «заботу» о них в свои руки. Устанавливая «потолок» заработка, они используют положение изгоев для увеличения своих доходов. Для самих же лиц, оставшихся без жилья и работы, участие в сезонном строительстве, несмотря на кабальные условия, — один из немногих способов поддержания своего существования: получения временной крыши над головой, питания, денег. Особенно безвыходным представляется положение лиц предпенсионного возраста. Нам встретились такие, кто, отбыв относительно непродолжительный срок наказания (2—3 года), приобрел в МЛС туберкулез и уже многие годы бродяжничает, не в силах получить прописку где-либо: «Даже в селе нигде не берут!». Из-за возраста и состояния здоровья сезонная работа для них особенно тяжела, и тем не менее ежегодно в течение девяти месяцев они вынуждены заниматься ею, перебиваясь в зимнее время в деревне заготовкой дров, ремонтом печей и др. Объективности ради нужно отметить, что если в обследовании 1984 г. удалось встретиться лишь с бригадами-«закабалителями», то в 1990 г. наряду с ними были и такие, кто пытался как-то облегчить положение своих подопечных: добивались разрешения на постоянную прописку, а члены кооперативов — оформления записей в трудовых книжках, что несомненно увеличивает шансы дальнейшего трудоустройства вернувшихся из МЛС. Однако такие бригадиры — исключение, и положение лиц, отбывших срок наказания, потенциальных и реальных бродяг продолжает оставаться острой социальной проблемой — как в период их участия в сезонных работах, так и вне его.

Другая группа освободившихся из мест лишения свободы вернулась в семью (собственную или родительскую) либо намерена это сделать. Одни из них, вернувшись из заключения всего несколько месяцев назад, включились в сезонные трудовые миграции, чтобы поправить свое материальное положение, создать основу для возвращения в нормальную жизнь. Другие — в сезонном строительстве уже не новички, ибо по прибытии домой не смогли устроиться на прежнее рабочее место или найти иную подходящую работу. Третьи — могли, но не захотели этого сделать, болезненно реагируя на бюрократические процедуры при оформлении на постоянную работу и предпочитая сезонные заработки, где мало кто интересуется прошлым.

Таким образом, по отношению к лицам, отбывшим срок наказания, роль сезонной трудовой миграции не исчерпывается поддержанием физического существования тех, кто уже пополнил ряды бродяг. Нередко сезонные трудовые миграции препятствуют возвратному движению ранее судимых в места заключения, т.к. благодаря этим поездкам вернувшиеся из МЛС получают больше шансов для нормальной жизни, постепенного восстановления связей с обществом, сохранения (возвращения) чувства собственного достоинства.

Отходничество и индивидуальная свобода

В целом самодетельные отходы на заработки уменьшают степень зависимости индивида от государственных структур, ослабляют степень социальной приниженности, увеличивают индивидуальную свободу. Речь идет не только о свободе выбора места жительства, точнее, возможности, обеспечив нормаль-

ный уровень жизни своей семье, остаться проживать в прежнем, самом предпочтительном для отходников поселении. Фактически «освободительная» роль отходничества реализуется через все вышеперечисленные функции. Ибо благодаря этим пездкам сезонные мигранты получают возможность в большей мере влиять на настоящее и будущее свое и своих детей: доходы, занятость, социальное продвижение, самореализацию и самоутверждение, а следовательно, добиваться независимости.

«Цена» этому освобождению — длительный отрыв от семьи, высокоинтенсивный труд в течение длительного времени, преобладание ручного труда даже на тяжелых в физическом отношении работах, частое несоблюдение техники безопасности, однообразное питание, неблагоустроенное жилье, плохо организованный быт, препятствующий восстановлению сил, полноценному отдыху после напряженного дня. Не случайно почти 83% отходников назвали сезонную работу тяжелой или очень тяжелой. Добавим сюда отсутствие многих социальных льгот и преимуществ, трудности с устройством по возвращении домой, необходимость постоянно приспосабливаться к переменчивой политике государства и другие факторы.

Отходники были лишены какой-либо поддержки и защиты со стороны государства не только тогда, когда включались в этот процесс, но и ранее. Государство уже давно не гарантирует большой группе трудоспособного населения права на труд в месте постоянного жительства. Между тем система ценностных ориентаций и жизненный опыт населения южных регионов таков, что оно скорее отдаст предпочтение активным поискам самостоятельных путей социального продвижения, улучшения своего социально-экономического положения, чем «застынет» в пассивном ожидании гарантий и помощи со стороны государственных структур: в обеспечении работой, строительстве и ремонте жилья, «бесплатном» образовании и здравоохранении. Отходничество стало для многих своеобразной «экологической нишей», в которой они относительно автономно существуют, выработав множество «защитных механизмов» от воздействия государственной монополии.

. По мере реформирования экономики можно ожидать, что число лиц, пожелавших включиться в отходы на заработки в другие поселения (районы), еще более увеличится, главным образом за счет традиционно труднедостаточных районов и развития внутриобластных (внутрирегиональных) миграций в них. Обновленные государственные структуры могут облегчить приспособление населения к новым экономическим условиям (через создание надежной сети по информированию населения об объектах сезонного труда, проведение защитной социальной политики, налоговой политики и проч.), но могут и не замечать многочисленного движения отходников. В этом случае процесс все равно будет воспроизводиться, но посредством большей напряженности на уровне личности, пожелавшей вырваться из полунищенского существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. О демографических проблемах в сельской местности // Статистический пресс-бюллетень. 1988. №10. С. 129.